

О влиянии Первой мировой войны на Россию и на Германию

С. В. ЛЕОНОВ

Статья посвящена сравнительному анализу влияния Первой мировой войны на царскую Россию и на Германию. Исследуются и уточняются статистические данные, характеризующие военную активность этих стран, абсолютные и относительные цифры мобилизованных, погибших и т.д. Рассматривается влияние войны на общества этих государств, сопоставляются степень милитаризации экономики, динамика ее развития, положение населения, некоторые особенности политики властей. В итоге формулируются новые положения о степени и характере воздействия войны на царскую Россию и Германию и о причинах революций 1917 и 1918 гг.

Из ведущих участников Первой мировой войны Россия и Германия были странами, на которые война оказала, пожалуй, наибольшее влияние. Наглядным свидетельством этого послужили произошедшие здесь в 1917 и 1918 гг. революции, в то время как остальные воюющие державы Европы (кроме развалившейся Австро-Венгрии) пережили лишь период революционного брожения.

Объективными показателями масштаба воздействия войны на общество являются, прежде всего, доля мобилизованного в армию населения, военная активность страны и людские потери, а также степень милитаризации и состояние экономики (включая уровень жизни населения). С точки зрения исследователя, преимущество указанных показателей заключается в том, что они в значительной мере выражаются в цифрах, что существенно облегчает корректность, верификацию сопоставлений.

Правда, в силу гибели значительной части документов, идеологизации и относительной неразработанности данных сюжетов в советскую эпоху, выявить влияние Первой мировой войны на Россию гораздо сложнее, чем на другие воевавшие державы. Соответствующая статистика по ней неполна, противоречива, а методики подсчетов далеко не всегда понятны и сопоставимы. Еще в 1930-е гг. Н. Н. Головин говорил о «младенческом состоянии попыток статистического изучения минувшей мировой войны»¹. У нас данное состояние затянулось до начала XXI в. Тем не менее анализ имеющейся статистики позволяет, пусть и не

---

¹ Головин Н. Н. Наука о войне. Париж, 1938. С. 206.

расставить «все точки над *i*», но все же добиться существенного продвижения в исследовании рассматриваемой проблемы.

Разумеется, восприятие военных лишений населением той или иной страны во многом зависело от успешности действий ее армии. Победы или поражения на фронтах соответственно компенсировали или, напротив, усиливали влияние на общество военных тягот. Не говоря уже о том, что захват территорий противника позволял перенести на них военные действия и отчасти использовать чужие ресурсы (чем пользовалась Германия²). Однако Февральская революция, открывшая в России целую эпоху невиданных социальных катаклизмов, произошла на фоне относительно недавней и громкой военной победы — Брусиловского прорыва. Хотя осенью—зимой 1916 г. в массовом сознании его в какой-то мере заслонили вступление в войну Румынии и неудачи русско-румынских войск, прорыв оставался самым успешным наступлением Антанты с начала войны, а 417 тыс. пленных, захваченных нашим Юго-Западным фронтом, оказались для союзников рекордом, непревзойденным вплоть до конца войны³. Таким образом, ход боевых действий, несмотря на всю значимость своего влияния на общество, отнюдь не подменяет вышеуказанных показателей.

По данным известного справочника «Мировая война в цифрах», доля мобилизованных в армию составила в Германии 19,7% населения (13,3 млн чел), а в России — 10,5% (19 млн)⁴, т.е. в 1,9 раза меньше. Эти цифры задают ориентир, но нуждаются в уточнении, прежде всего потому, что 19 млн российских мобилизованных представляются фантастической оценкой.

По более основательным подсчетам Н. Н. Головина, причем практически совпадавшим с данными Ставки, в России было мобилизовано 15,5 млн или же 15,8 млн человек. Последнюю цифру (данные Ставки) признавали и советские статистики в 1925 г., и позднейшие военно-статистические исследования⁵. Ее и следует считать наиболее достоверной.

Долю мобилизованных в составе российского населения Н. Н. Головин определил в целом в 9,3%. Исключив «инородцев» и население местностей, освобожденных законом от воинской повинности, он получил 10%. Однако данные расчеты исходили из 15,5 млн мобилизованных, а главное, из численности населения России в 167 млн человек⁶.

Последняя цифра коррелировала с оценками, распространенными в советской историографии. Однако та, в силу господствовавшего в ней принципа «партийности», была заинтересована в занижении численности предвоенного населения Российской империи и завышении потерь в годы Первой мировой войны, чтобы «списать» огромные жертвы Октябрьской революции и Граждан-

² См.: История Германии. Т. 2. М., 2008. С. 118.

³ Соответствующий «антирекорд» также принадлежал Русской армии. В той же Галиции в результате Горлицкого прорыва в 1915 г. мы потеряли пленными 0,5 млн человек (см.: *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. М., 2000. С. 413).

⁴ Мировая война в цифрах. М., 1934. С. 12.

⁵ См.: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. в цифрах. М., 1925. С. 4; *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 391; Россия и СССР в войнах XX в.: Стат. исследование. М., 2001. С. 65, 91, 92.

⁶ См.: *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 78, 80, 83.

ской войны. К тому же, дабы не подвергать сомнению «всестороннее превосходство» СССР над Российской империей, население последней зачастую давалось без Польши и Финляндии.

В то же время некоторые, в т.ч. военные, историки оценивали население Российской империи к началу Первой мировой войны в 180,6 млн чел.⁷ Эта цифра вытекает из данных Центрального статистического комитета царского МВД. По его сведениям, к 1 января 1914 г. население страны составляло 178,4 млн, а к 1 января 1915 г. — 182,2 млн человек. За год прирост населения исчислялся в 3,8 млн чел.⁸, а отсюда за 7 месяцев — в 2,2 млн. Добавив его к 178,4 млн, мы и получим вышеназванную цифру в 180,6 млн чел. Хотя данные царского МВД подвергались критике и отнюдь не могут претендовать на непогрешимость, они выглядят явно предпочтительнее идеологизированной и гораздо менее детализированной советской статистики.

Исходя из этого, наиболее достоверной выглядит доля мобилизованных в России (15,8 млн чел.) в 8,7%. Если же вычесть примерно 10% населения Российской империи, освобожденного от воинской повинности⁹, то доля мобилизованных — для подавляющей части страны, — по нашим подсчетам, составила 9,7%. Это соотносится и с данными Особого совещания по обороне — около 10%¹⁰.

Население Германской империи к началу Первой мировой войны традиционно оценивается в 67,5 млн человек¹¹, а численность мобилизованных — от 13,3 млн до 14 млн чел. При максимальной оценке доля последних составила 20,7%¹². Однако цифра в 14 млн выглядит, на наш взгляд, не вполне обоснованной. Исходя из оценок некоторых военно-статистических трудов и новых работ германистов¹³, численность мобилизованных в Германии корректнее считать в 13,3 млн. Отсюда доля последних в составе населения Германии составляла 19,7%.

Таким образом, в целом удельный вес мобилизованных в России уступал Германии в 2,3 раза! С учетом доли освобожденных от мобилизации в Российской империи (и не без учета таковой в Германии), он был вдвое ниже.

Для корректной оценки тяжести мобилизации для общества и прежде всего для экономики стоит принять во внимание особенности возрастной структуры населения. В конце XIX в., по подсчетам Д. И. Менделеева, доля населения

⁷ См.: Россия и СССР в войнах XX в. С. 65.

⁸ Россия 1913 г.: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 16, 17, 22; Статистический ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. С. 57, 58.

⁹ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 18.

¹⁰ См.: Там же. С. 94.

¹¹ См.: Мировая война в цифрах. С. 12; Россия и СССР в войнах XX в. С. 65. Эта оценка фактически подтверждается и в последних работах германистов, где фигурирует цифра в 66,9 млн на 1913 г. (см.: История Германии. Т. 2. С. 60). Впрочем, и здесь есть небольшие, но расхождения. Например, в некоторых современных обобщающих трудах экономистов на 1914 г. население Германии оценивается в 66,1 млн (см.: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. OECD. P., 2003. P. 36). Возможно, причиной этому послужил недоучет иноэтничного (особенно польского) населения Германской империи, порожденный глобальностью анализа, а отсюда — невозможностью вникать в детали.

¹² Россия и СССР в войнах XX в. С. 65.

¹³ См.: Мировая война в цифрах. С. 12; История Германии. Т. 2. С. 102; Патрушев А. И. История Германии в XX в. М., 2004. С. 64.

моложе 10 лет составляла в России 27,3%, а в Германии — 24,2%, в то же время доля «кормильцев», т.е. лиц, участвовавших в производительном труде и кормивших свои семьи, соответственно 24–26,5% и 40%¹⁴. Столь существенный (в 1,5–1,7 раза) разрыв в доле «домохозяев» представляется завышенным, во всяком случае, к 1914 г.¹⁵ Но даже и с учетом расчетов Менделеева, а также фактора большей неравномерности охвата мобилизацией разных социальных групп в нашей стране, не подлежит сомнению, что тяжесть мобилизации для Германии была заметно выше, чем для России (даже для «домохозяев», не менее чем в 1,2–1,3 раза).

Военная активность Германии в 1914–1918 гг. оказалась беспрецедентной. Германская империя всегда была ведущим участником своего блока. Ее армия являла собой подавляющую и наиболее боеспособную часть вооруженных сил Центральных держав, а затем Четверного союза. К началу военных операций она составляла до 62% общей численности войск, 65% легких и 93% тяжелых орудий, а также явно доминирующую часть военно-морского флота. В последующие годы удельный вес немецкой армии несколько снизился, тем не менее она оставалась преобладавшей среди войск Четверного союза. В начале 1916 г. Германия выставила 159 дивизий из 286 (56%)¹⁶! Ее армии сражались на двух основных фронтах в Европе — Западном и Восточном, не считая второстепенных (в Италии, на Балканах, в Азии и Африке), а также войны на море. С решающим участием германских войск прошли практически все крупнейшие, ключевые военные операции, включая битвы на Марне, «Горлицкий прорыв», сражение под Верденом (поворотное для всей Первой мировой войны), битва на Сомме (которая по кровопролитности превосходила «Верденскую мясорубку»¹⁷), с помощью прежде всего немецких войск было остановлено Брусиловское наступление и т.д.

Боевой вклад России также был очень весом. К началу военных действий ее армия составляла 47% численности вооруженных сил стран Антанты, на ее долю приходилось 56% легких и 24% тяжелых орудий! Впоследствии удельный вес Русской армии, и особенно в артиллерии, существенно уменьшился. (За годы войны орудий в стране было произведено меньше вдвое, чем во Франции, в 2,3 раза — чем в Англии и в 5,5 раза — чем в Германии¹⁸.) В начале 1916 г. Россия выставила 136 из 365 дивизий Антанты (37%)¹⁹. Российская армия сражалась на одном из двух основных фронтов Первой мировой и на второстепенном Кавказ-

¹⁴ См.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 32, 33.

¹⁵ В частности, в связи с происходившим переходом от больших патриархальных семей к малым, нуклеарным; постепенным падением рождаемости, растущим участием крестьянок в отхожих промыслах, ранним участием в трудовой деятельности крестьянских детей и т.д. (см.: Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 1. М., 2000. С. 27, 43, 44, 47, 66, 67, 69–73; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. СПб., 2003. С. 179, 180, 233, 236, 245, 266).

¹⁶ Подсчитано по: Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 9–11; История Первой мировой войны / Под ред. И. И. Ростунова. Т. 2. М., 1975. С. 143.

¹⁷ См.: Строчков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 362, 378; Мировая война в цифрах. С. 23.

¹⁸ Подсчитано по: Строчков А. А. Указ. соч. С. 586.

¹⁹ Подсчитано по: Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 9–11; История Первой мировой войны. Т. 2. С. 143.

ском фронте (а отдельные, немногочисленные соединения действовали также на Западном, Салоникском фронтах и в Персии).

И все же Россия не была ведущим участником своего блока. Восточный фронт выступал в роли главного лишь временами, особенно в мае—сентябре 1915 г., когда Россия оттягивала на себя до половины дивизий Центральных держав (в начале войны — до 40% дивизий, но менее 1/3 сил противника). В августе—декабре 1916 г. на русских фронтах находилось около 45% дивизий противника²⁰.

По численности русская армия превосходила войска пяти европейских членов Антанты, кроме Италии, т.е. Франции, Англии, Бельгии, Румынии и Сербии. Однако по технической оснащенности она существенно уступала вооруженным силам Франции и Англии. К концу 1916 г. у тех было 16,5 тыс. орудий против 7,9 тыс. у нас, в т.ч. тяжелых орудий и гаубиц 6,6 тыс. против 2 тыс.; пулеметов соответственно 17,5 тыс. и 12 тыс.; ручных пулеметов 40,6 тыс. и 0,3 тыс.; самолетов 2,1 тыс. и 0,6 тыс.²¹. Уступала русская армия и по качеству высшего командного состава, тактической подготовке войск в целом. Россия, как отмечал А. М. Зайончковский, «вступила в войну с хорошими полками, посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами»²². В полной мере этот дефект исправлен не был²³. В итоге масштабы и ожесточенность вооруженного противоборства на Западе были существенно выше, чем на Востоке. Да и там, нередко одерживая победы над «австро-венграми», русская армия чаще всего не добивалась успеха против немецких войск. Те, как правило, уступали по численности (а в 1914 г. значительная часть последних и вовсе представляли собой формирования ландвера и ландштурма), но превосходили в огневой мощи (на уровне дивизии — не менее чем в 1,5 раза) и в тактике. Военно-морской флот России (вначале третий, затем пятый по силе среди стран Антанты), в отличие от германского, существенного влияния на ход войны не оказал.

Австро-Венгерская армия потеряла на Восточном фронте до 60% (59,5%) своего состава — погибшие, раненые и пленные. Тем не менее, безвозвратные потери главной армии противника — германской — на Русском фронте в 3,8 раза уступали ее потерям на Западном фронте (соответственно 0,32 млн и более 1,2 млн)²⁴. Потери Турции в боях против России были сопоставимы с ее потерями на других

²⁰ В историографии нередко встречаются другие цифры. Однако по большей части они не учитывают Итальянский, Балканской и Азиатско-Турецкий ТВД. Подсчитано по: *Зайончковский А. М.* Указ. соч. С. 865—869.

²¹ Подсчитано по: *Строков А. А.* Указ. соч. С. 443.

²² См.: *Зайончковский А. М.* Указ. соч. С. 13—15.

²³ Во французской армии, столкнувшейся со схожими проблемами, Ж. Жоффри уже в 1915 г. сменил 41 из 48 командиров пехотных дивизий, занимавших свои посты с мирного времени и более двух десятков командиров корпусов. В российской армии из-за ограниченности выбора и политики верховной и военной властей столь серьезной чистки высшего состава не было. В результате даже к концу 1916 г. «на верхах нашего командования не была осознана мысль, что против современного оружия нельзя бороться пушечным мясом» (см.: *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. С. 99).

²⁴ Если не считать последнюю военную кампанию 1917—1918 гг., в которой Россия практически уже не участвовала (немецкие потери на Восточном фронте составили лишь 11,3 тыс. чел., по сравнению с 73,4 тыс. в кампанию 1916—1917 гг.), вышеуказанное соотношение снизится до 2,8 раза. Подсчитано по: *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 150, 151.

фронтах в целом²⁵. Всего же противник потерял от действий русской армии, по подсчетам Б. Ц. Урланиса, примерно 0,9 млн человек погибшими (вдвое меньше, чем потеряла Россия). Германия сумела нанести своим противникам гораздо большие потери как в абсолютном, так и в относительном выражении. На долю германской армии пришлось практически все потери держав Антанты на Западном фронте (примерно 1,6 млн чел., сами немцы потеряли 1, 1 млн)²⁶, а также большинство потерь России — на Восточном. Здесь точные цифры неизвестны, но примечательно, что из 2,4 млн русских пленных 1,4 млн (58%) находились в Германии²⁷.

Несмотря на чудовищную разноголосицу, связанную с оценкой потерь России в годы Первой мировой войны (число погибших варьируется от 0,5 млн до 3 и даже 4 млн человек), подавляющая часть современных исследователей избегает сколько-нибудь серьезного анализа проблемы. Так, авторы трехтомника «Население России в XX в.» ограничились лишь перечислением — по сути, без всякого анализа — имеющихся в литературе оценок, причем суммировав их таким образом, что средние значения безвозвратных потерь оказались выше максимальных²⁸.

Между тем, наработанного к сегодняшнему дню материала уже хватает не только для резкого сужения коридора оценок, но и для более определенных выводов. Важно лишь в горах соответствующей литературы определить наиболее достоверные и полные расчеты. Таковые, на наш взгляд, содержатся в работах Н. Н. Головина и Б. Ц. Урланиса. Они не только опираются на обширный и разносторонний материал, но раскрывают свои методики подсчетов и подробно анализируют другие оценки.

По подсчетам Н. Н. Головина, безвозвратные демографические потери (число убитых и умерших от ран, болезней и в плену) составляли в России 1,9 (1,86) млн человек²⁹. Это практически совпадает с выводом Б. Ц. Урланиса — 1,8 (1,811) млн., хотя структура потерь и применявшиеся авторами методики расчетов разнятся³⁰. Современные военные историки, используя отдельные положения Урланиса, Головина и советские данные 1920-х гг., попытались уточнить эти оценки и вывели «новую» цифру — 2,3 млн человек (которая фактически совпала с оценками «Мировой войны в цифрах»)³¹. Из-за повторного счета пропавших без вести (последние уже были засчитаны вышеуказанными авторами в

²⁵ По подсчетам Б. Ц. Урланиса, потери Турции погибшими в боях против России составляли около 2/3 — примерно 150 тыс. из 250 тыс. чел., правда, с учетом 2-х болгарских дивизий, воевавших против России (подавляющая часть болгарских войск воевала и несла потери от наших союзников). Из взятых в плен турок на Россию пришлось, по-видимому, примерно 60 тыс. чел. (65 тыс. вместе с болгарями), в то время как только в английском плену находились 110 тыс. турок (и 7 тыс. болгар). Таким образом, безвозвратные потери Турции на русском фронте (ориентировочно 210 тыс.) были примерно равными, а по-видимому, несколько уступали потерям, нанесенным им другими державами Антанты, вместе взятыми (более 210 тыс.). См.: *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 151, 325.

²⁶ Без потерь на итальянском фронте. *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 151, 152.

²⁷ См.: *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. С. 135.

²⁸ См.: *Население России в XX в.: Исторические очерки.* Т. 1. М., 2000. С. 78.

²⁹ *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. С. 155.

³⁰ *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 381.

³¹ 2,3 млн человек (см.: *Россия и СССР в войнах XX в.* С.100, 101; *Мировая война в цифрах.* С. 21).

числе погибших) данная попытка не выглядит удачной. Таким образом, на сегодняшний день с высокой долей вероятности можно говорить, что безвозвратные потери русской армии составили примерно 1,9 млн человек³².

Значительный разброс сохраняется в отношении числа пленных. Советская статистика 1919 — начала 1920-х гг. определяла их в 3,3 млн (и даже в 3,9 млн) человек. Н. Н. Головин показал явную завышенность этих цифр. На основе немецких и австро-венгерских данных он определил, что русских пленных было 2,4 млн (что близко к данным русской Ставки — более 2 млн и МИДа — 2,5 млн)³³. Новые военно-статистические исследования страным образом одновременно используют и данные Головина, и советской статистики — 2,4 и 3,3 млн³⁴. Все это свидетельствует о том, что сколько-нибудь серьезными подсчетами наши военные себя не утруждали и что цифры Головина (2,4 млн пленных) остаются наиболее достоверными. Это подтвердил в целом и Урланис³⁵.

В отношении немецких потерь принципиальных расхождений нет. Подавляющая часть исследований оценивает безвозвратные потери Германии примерно в 2 млн человек (2 млн 57 тыс. — с умершими от ран после войны), а число пленных — в 1 млн. Правда, встречается порой и цифра 2,35 млн, но ее обоснование не прояснено. Поскольку немецкие, да и другие источники в большинстве своем говорят о 2 (в круглых цифрах) млн, эту оценку и стоит признать более достоверной³⁶.

В целом безвозвратные демографические потери Германии лишь немногим превышали российские. По отношению к численности населения эта разница выглядела уже принципиально иной — соответственно 2,96 и 1,05%. Однако доля пленных — 1,5% населения в Германии и 1,3% в России — оказалась почти одинаковой. В целом удельный вес безвозвратных потерь составлял в Германии до 4,5%, в России — 2,3%. Даже заметно большая территориальная (национальная) и социальная равномерность распределения этих потерь в немецком обществе не могла компенсировать их почти вдвое больший удельный вес по сравнению с Россией.

По абсолютному числу мобилизованных среди воюющих держав Россия занимала 1-е место (от 21,5% до 22,5% мобилизованных во всех странах — участниках Первой мировой войны!), а Германия — 2-е место. По числу погибших, напротив, Германия занимала 1-е, а Россия — 2-е место. В то же время по удельному весу мобилизованных Германия, согласно подсчетам Б. Ц. Урланиса, занимала 7-е место, Россия — 12-е место. По числу погибших на 1 тыс. населения Германия находилась на 5-м месте (после Сербии и Черногории, Турции, Франции и Румынии), а Россия — лишь на 12-м месте, «пропустив вперед» и Австро-

³² Предпочтение этой цифре, по сравнению с 1,8 млн, обусловлено стремлением лучше учесть неизбежную — несмотря на соответствующие поправки исследователей — неполноту сохранившейся статистики и, в частности, по-видимому, больший, чем на Западе, процент умерших от ран, болезней и холода. Хотя бы в силу иных расстояний, климата, меньшей транспортной и в целом экономической развитости, а также меньшей цены человеческой жизни, как в сознании властей, так и в какой-то мере широких масс населения.

³³ См.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 130–137.

³⁴ Россия и СССР в войнах XX в. С. 102, 106.

³⁵ Урланис Б. Ц. Указ. соч. С. 320.

³⁶ См.: Мировая война в цифрах. С. 22; Россия и СССР в войнах XX в. С. 106; Урланис Б. Ц. Указ. соч. С. 161, 162, 375, 377; История Германии. Т. 2. С. 102.

Венгрию, и Италию, и Великобританию, и даже Новую Зеландию и Австралию!!! Вопреки распространенным у нас стереотипам, по удельному весу погибших Россия занимала последнее место среди ведущих участников Первой мировой войны (за исключением лишь США, занимавших 18-е место)³⁷.

Влияние Первой мировой войны на общество, «внутреннюю» жизнь России и Германии является особенно сложной, многоплановой проблемой. В рамках данной статьи возможно сформулировать лишь несколько принципиальных положений.

Прежде всего нельзя не обратить внимание на то, что по уровню экономического развития, вопреки бытовавшим штампам «страны второго эшелона развития капитализма», рассматриваемые державы стояли на качественно разных стадиях. Германия уже завершила переход к индустриальному обществу, а Россия была только на пути к этому. По подсчетам А. Мэдисона, в 1913 г. валовой внутренний продукт на душу населения составлял: в России — 1488, а в Германии — 3648 долл., доля урбанизации — 15 и 60%. Соответствующих российских показателей кануна Первой мировой войны Германия достигла еще в 1850 г.³⁸ Иными словами, по ключевым параметрам социально-экономического развития Россия отставала на 60 лет. Стадиальное отставание — прямо или косвенно — стало причиной множества проблем, с которыми Россия столкнулась в ходе войны, ведущие участники которой уже перешли к индустриальному обществу. Перечень этих проблем — даже вне непосредственно экономики — огромен: начиная от недостаточной технической оснащенности армии, вызывавшей лишние потери, необходимости во многом подчинять свою военную стратегию союзникам и заканчивая «полярной» социальной структурой, неизбежным (в какой-то мере) лавированием властей во внутренней политике и несформированностью общенационального сознания. И тем не менее, как это будет показано ниже, отнюдь не социально-экономические проблемы определили судьбу России в годы войны.

Несмотря на относительную слабость своей индустрии, потерю в результате оккупации Польши и других районов 1/5 фабрично-заводской промышленности³⁹ и общепризнанную нераспорядительность властей, Россия сумела все же осенью 1915 г. завершить мобилизацию экономики. Согласно данным сборника «Мировая война в цифрах», по доле работавших на войну рабочих (76%) Россия существенно опережала не только Германию (58,3%), но и все державы Антанты⁴⁰. Хотя сами авторы отметили ненадежность этих цифр, несопоставимость методик их исчисления, они широко и, как правило, без комментариев использовались не только в советской, но и в современной литературе⁴¹.

Между тем в том же издании и на той же странице, на основе данных Особого совещания по обороне (опубликованных еще в 1925 г. в сборнике «Россия в миро-

³⁷ Урланис Б. Ц. Указ. соч. С. 391–393.

^{38B} 1850 г. ВВП на душу населения составлял в Германии 1428 долл., а доля городского населения 15%. (см.: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. OECD. P., 2003. P. 58, 60, 100).

³⁹ Это итоговая за войну цифра (см.: Хромов П. А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М., 1982. С. 134).

⁴⁰ Мировая война в цифрах. С. 55.

⁴¹ См., например: Россия и СССР в войнах XX в. С. 89.

вой войне 1914—1918 гг. в цифрах»)⁴², отмечалось, что на военные нужды работало 73,3% рабочих и шло 78,6% продукции промышленности. Эти цифры (главным образом первая из них) также используются в литературе. С момента появления всех этих данных, т.е. с 1920—1930-х гг., отечественная историография почти не продвинулась в их верификации, сопоставлении и сколько-нибудь надежном определении доли мобилизованной на военные нужды промышленности.

Используя (целиком или главным образом) изданные в книге «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. в цифрах» статистические документы, последующие исследователи по-разному их интерпретировали, как правило, не затрудняя себя сколько-нибудь серьезным анализом и обоснованиями. Г. И. Шигалин в монографии о военной экономике в Первую мировую войну ограничился лишь тем, что привел (без полных сносок) абсолютные цифры, свидетельствующие, что на оборону работало 79,4% рабочих, причем саму долю он не назвал⁴³.

А. Л. Сидоров в обширном труде, посвященном экономике страны в Первую мировую войну, признал цифру в 73,3%, заявив, что около $\frac{3}{4}$ рабочих трудились исключительно на войну. Вместе с тем, противореча этому и некоторым другим положениям своей работы, он сделал свехосторожный вывод о том, что доля промышленной продукции, шедшей непосредственно на войну, составляла $\frac{2}{3}$ (несомненно, известную ему цифру в 78,6% он полностью проигнорировал)⁴⁴. Возможно, в этом посмертном издании особенно явно сказался идеологический контроль. В СССР в годы Великой Отечественной войны уровень мобилизации промышленности, по советским данным, не превышал 63,9% (объема ее производства!)⁴⁵, а власти крайне ревниво относились к данным, способным поставить под сомнение «преимущества» социалистического строя.

П. А. Хромов, опираясь, по-видимому, на те же документы «России в мировой войне 1914—1918 гг. в цифрах», сделал вывод о том, что на войну работало 86% российских рабочих. Однако у него не только вкралась арифметическая ошибка (исходя из приведенных им абсолютных цифр соответствующая доля должна быть 82,6%), но и нет ссылки на источник исходных данных⁴⁶.

На сегодняшний день можно предполагать, что ориентировочно на войну работали $\frac{3}{4}$ рабочих России и шло примерно столько же (по-видимому, от 71% до 78%) промышленной продукции⁴⁷. Это действительно превышало показатели держав Антанты (а также СССР в годы Великой Отечественной войны) и примерно

⁴² Россия в мировой войне 1914—1918 гг. в цифрах. С. 70.

⁴³ Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956. С. 166.

⁴⁴ Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 369—371.

⁴⁵ Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. М., 1986. С. 46.

⁴⁶ См.: Хромов П. А. Указ. соч. С. 134.

⁴⁷ Ситуация осложняется тем, что до сих пор в научной литературе не выработано даже четкого критерия милитаризации: это предприятия, работавшие исключительно или преимущественно на военные нужды? И как засчитывать те заводы, продукция которых в значительной мере шла на оборону? Прежде всего необходимо уточнить, какую долю составляла промышленная продукция, шедшая на военные нужды, но проходившая по заказам иных — кроме военного — государственных ведомств, общественных организаций, а также производившаяся на частный рынок. Некоторые ориентиры для исходных оценок задают уже опубликованные данные и расчеты (см.: Россия в мировой войне 1914—1918 гг. в цифрах. С. 7, 70, 71 и др.).

соответствовало Германии (75% промышленного производства в 1917 г.⁴⁸). То, что, несмотря на общепризнанные достижения Германии в этой сфере⁴⁹ и, напротив, столь же известные упущения российских властей, уровень мобилизации промышленности двух стран к 1917 г. оказался сопоставимым, объяснялось не только разной структурой экономик, огромными кредитами и широким импортом в Россию из стран Антанты промышленного оборудования, металлов, угля и сырья⁵⁰. Возможные различия в методиках подсчетов в полной мере также не объясняют вышеуказанный паритет. Удивительно высокая, все еще недооцененная в историографии степень мобилизации российской промышленности, на наш взгляд, была достигнута прежде всего благодаря беспрецедентному по размаху подключению к делу обороны широких слоев общественности и предпринимателей, а в какой-то мере пусть и запоздалым, но в итоге продуктивным действиям властей⁵¹. Успехи в мобилизации промышленности (и в несколько меньшей степени — поставки вооружений союзниками по Антанте) позволили русской армии хотя и с промедлением, но преодолеть в 1916 г. кризис боевого снабжения, удовлетворить в основном свои потребности (разве что кроме тяжелой артиллерии, ручных пулеметов, отдельных других позиций) и добиться крупной военной победы.

По традиционным оценкам, Первая мировая война обошлась России в 7,7 млрд долл. (включая 2,3 млрд займов у союзников), а Германии — в 19,9 млрд долл. (соответствующих займов у нее не было). Таким образом, для последней она оказалась в 2,6 раза дороже. В относительных показателях этот разрыв был меньше. Война стоила России и Германии 13,1 и 24,7% народного богатства (1,9 раза). Из расчета на душу населения война обошлась, соответственно, в 44 и 292,6 долл. (6,7 раза), а с учетом разницы в подушевом доходе⁵² разрыв составлял в среднем 2,4 раза. Поскольку для Германии Первая мировая война длилась дольше, чем для России, немаловажен был среднегодовой расход на нее. По отношению к народному доходу он составлял соответственно 24,1 и 31,6%⁵³ (т.е. был для России всего лишь в 1,3 раза меньше). Разумеется, сугубо приблизительный, ориентировочный характер подсчетов не позволяет вывести сколько-нибудь точного соотношения. Тем не менее не подлежит сомнению, что бремя войны для экономики России оказалось существенно менее тяжким, чем для Германии

⁴⁸ Патрушев А. И. История Германии в XX в. С. 61.

⁴⁹ Отметим также, что Германия использовала ресурсы оккупированных территорий, нейтральных стран, а державы Антанты куда больше России были вовлечены во взаимопомощь друг другу, международную торговлю, Англия и Франция эксплуатировали огромные колонии.

⁵⁰ В 1914–1917 гг. в промышленность поступило оборудования на 1 млрд руб., из них на 317 млн — из-за границы. Только в 1916 г. было ввезено 16 тыс. станков (см.: Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 252, 253, 278, 320, 323, 325, 331, 364, 366).

⁵¹ «Это была “живая вода”, хлынувшая в бюрократическое болото. Это был прорыв общественных сил через плотину устарелых учреждений...» — писал генерал Н. Н. Головин об одном из важнейших проявлений подключения общественности к мобилизации экономики — о создании Особого совещания по обороне (см.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 233).

⁵² По национальному доходу на душу населения Россия уступала Германии в 3,2 раза (46 и 146 долл.), а по ВВП на душу населения — почти в 2,5 раза (1488 и 3648 долл.), т.е. относительный разрыв в стоимости войны на душу населения составлял 2,1–2,7 раза.

⁵³ Подсчитано по: Мировая война в цифрах. С. 64.

(по относительным параметрам, в 1,3–2,4 раза). К тому же для преимущественно аграрного, крестьянского общества, каковым все еще оставалась Россия, многие военные тяготы переносились легче. Несравненно менее остро стояла проблема обеспечения продовольствием. Большинство населения, все еще сохранявшее традиционную многодетность, а также неприхотливость, привычку к лишениям и невзгодам, относительно менее драматично, в какой-то мере фаталистски относилось к людским, а тем более к материальным, потерям.

В противоположность Германии, где промышленное производство падало и в 1917 г. оказалось на 38% ниже довоенного уровня, в царской России промышленность в 1914–1916 гг. росла. Общий объем промышленного производства в 1916 г., по сравнению с 1913 г., увеличился на 9,4%, а по другим оценкам, — даже на 21,5%!⁵⁴ За войну было построено более 10 тыс. км железных дорог. Сбор зерновых в России начал ощутимо падать лишь в 1916 г. (в 1915 г. урожай заметно превысил довоенный уровень), а в Германии — уже с 1914 г. В 1916 г., по сравнению с 1913 г., зерновых в России собрали меньше на 18%, а в Германии — на 27,3%. В 1917 г. — соответственно на 23 и 50,5%⁵⁵. Хотя к 1917 г. в России наблюдались растущие признаки перенапряжения экономики: рост инфляции, учатившиеся перебои с транспортом, топливом и особенно с продовольственным обеспечением городов, в целом это было естественным состоянием для воюющих держав Европы. Масштабный экономический кризис в России начался лишь после Февральской и затем Октябрьской революций.

Положение населения в России было куда лучше, чем в Германии. Там в 1916 г. реальная зарплата сократилась примерно вдвое. В России же вплоть до 1917 г. зарплаты в оборонных отраслях росли, а, например, в текстильной — оказались всего на 20% ниже довоенного уровня⁵⁶. Несмотря на нервировавшие горожан перебои с продовольствием и длинные очереди («хвосты») за хлебом, голода и даже карточной системы в царской России практически не было. В Германии население откровенно голодало. Уже с 1915 г. там была введена карточная система на все основные виды питания. Неурожай картофеля в 1916 г. (его производство сократилось более чем вдвое, а пшеницы — на 1/3) повлек за собой страшную «брюквенную зиму». С 1917 г. суточная норма выдачи муки на человека была сокращена до 170 г! В целом пищевой рацион в Германии, составлявший в среднем 3,5 тыс. калорий, в 1916–1917 гг. не превышал 1,5–1,6 тыс. Беспрецедентно широкое внедрение суррогатных продуктов (10,6 тыс. названий) и расцвет черного рынка (где продавалось от 30 до 50 % продовольствия) ситуации не спасали. Из-за болезней, вызванных недоеданием, женская смертность в 1916 г. возросла на 11,5 %, а в 1917 г. — на 30,4 % по сравнению с довоенными показателями. За время войны от голода и недоедания, по некоторым оценкам, в Германии умерло до 760 тыс. человек! С конца 1916 г. была введена всеобщая трудовая повинность для мужчин от 16 до 60 лет⁵⁷.

⁵⁴ См.: История Первой мировой войны. Т. 2. С. 406; *Хромов П. А.* Указ. соч. С. 133; *Сидоров А. Л.* Указ. соч. С. 349–353.

⁵⁵ См.: *Шигалин Г. И.* Указ. соч. С. 109.

⁵⁶ *Хромов П. А.* Указ. соч. С. 157.

⁵⁷ См.: *Эггерт З. К.* Борьба классов и партий в Германии в период Первой мировой войны.

Тем не менее не в Германии, а в экономически более благополучной России уже с 1915 г. стремительно развивалось революционное движение. В 1916 г. по числу стачечников (соответственно 1 млн 86 тыс. чел. и 129 тыс. чел.)⁵⁸ Россия превосходила Германию в 8,4 раза, в тылу и отчасти в армии наблюдался упадок патриотизма, веры в свои силы и воли к победе. В феврале 1917 г. Россия стала первой из воевавших стран, где произошла революция. Германия же, где царил «гениально организованный голод», продержалась еще год и 8 месяцев, что составило до 40% общей продолжительности Первой мировой войны! Этому способствовало резкое падение боеспособности и активности русской армии после свержения монархии, а в особенности — фактический выход России из Первой мировой войны в декабре 1917 г. (в результате заключения перемирия) и затем подписание сепаратного мира в марте 1918 г. Однако эти факторы были в значительной мере компенсированы вступлением в войну США, обретением англо-французскими войсками явного превосходства над противником в технической оснащенности, а в целом (за исключением весны 1918 г.) и в численности, а также необходимостью для Германии держать на Востоке, на оккупированных территориях, существенную часть вооруженных сил⁵⁹. Таким образом, столь длительное выживание Германии во многом объяснялось боеспособностью ее армии и прочностью ее тыла. Революционное движение в стране начало расти лишь с 1916 г., широкая волна стачек и антивоенных выступлений стала подниматься с весны 1917 г. (в значительной мере под влиянием российской революции), а революция произошла лишь в ноябре 1918 г.

Все вышеизложенное ставит под сомнение традиционные объяснения Февральской революции. Представляется, что важнейшим (хотя и не единственным) революционизирующим фактором выступала в России слабость и небывалая дискредитация власти. Она была вызвана не только и не столько тяготами войны, отсутствием решающих побед на фронтах (их не было ни у одной из воюющих держав), первоначальными провалами в обеспечении снабжения армии, неумением навести порядок в тылу, пресечь невиданные для того времени воровство и злоупотребления (что выглядело — хотя и не совсем справедливо — контрастом работе немецкой государственной машины). Прежде всего сказывались невнятность и колебания правительственного курса, «министерская чехарда» и конфронтация власти с либеральной общественностью (игравшей столь значимую роль в мобилизации экономики и в формировании общественного мнения). «Революция только наполовину создается из революционного напора революционеров, — писал В. В. Шульгин. — Другая ее половина, а может быть три четверти, состоит в ощущении властью своего собственного бессилия. У нас, у многих, это ощущение было вполне. Ибо все в России делалось “по приказу его императорского величества”. Это был электрический ток, приводящий

М., 1957. С. 80–86, 373; История Германии. Т. 2. С. 116–118; *Патрушев А. И.* История Германии в XX в. С. 63.

⁵⁸ См.: *Мировая война в цифрах.* С. 88.

⁵⁹ Еще в январе 1917 г. Германия и ее союзники держали на восточноевропейском театре военных действий 108 дивизий. по сравнению со 124 — на западноевропейском (46,6% сил на этих ТВД); в октябре 1917 г. — 114 дивизий и 143 (44,3%); в феврале 1918 г. — 81 и 177 (31,3%); а в августе 1918 г. — 45 и 210 (17,6%). Подсчитано по: *Зайончковский А. М.* Указ. соч. С. 866, 867.

в жизнь все провода. И именно этот ток обессиливался и замирал, уничтоженный безволием»⁶⁰.

Кайзеру Вильгельму II было несравненно проще, чем Николаю II, проводить внятную, менее раздражающую общественность политику, поскольку и в социальном, и в политическом, и в духовном планах германское общество, несмотря на многообразные противоречия, было все же гораздо более структурированным и консолидированным, чем российское, государственный аппарат — более отлажен и эффективен, оппозиция — менее радикальна, население — дисциплинировано и грамотно, а армия лучше готова к войне. Об экономических контрастах мы уже говорили выше. Тем не менее в итоге Вильгельм II тоже не смог справиться с вызовом оппозиции, растерял свою популярность и начал тасовать свой кабинет. В Германии за войну (до ноября 1918 г.), как и в царской России (но до февраля 1917 г.), сменились четыре главы правительства, три из них — в 1917–1918 гг.

Российская империя, проходившая болезненный процесс индустриальной модернизации и еще не «переварившая» до конца последствий революционных катаклизмов 1905–1907 гг., предъявляла к управлению государством куда более высокие требования. Общество, раздиравшееся застарелыми социальными и социокультурными конфликтами, в большинстве своем не избавилось до конца от традиционной авторитарно-патриархальной культуры и все еще жаждало твердой руки. В то же время политически активное меньшинство всячески боролось против этого. Во время Первой мировой, «тотальной», войны, когда усилилась централизация и были заложены основы мобилизационной модели экономики, объективно потребность в сильной власти резко возросла. С ней во имя победы в войне на условиях определенного компромисса была готова примириться и либеральная общественность. Однако поражения 1915 г., острый кризис боевого снабжения армии зародили в обществе сомнения в дееспособности власти и в победном исходе войны. На серьезные компромиссы (создание «правительства общественного доверия») царь не решился, а четкого курса, реального политического лидерства в стране он так и не предложил. Потребность в сильной власти не была удовлетворена ни на новых (думских), ни на традиционных (самодержавных) началах. Оппозиция начала яростную атаку на власть, во многом способствовавшую ее дискредитации и приближавшую революцию. Власть же в глазах народа демонстрировала все возрастающую, непростительную слабость. Фигура Распутина стала в глазах общественности символом «темных сил» у трона, ярким симптомом десакрализации и разложения монархического режима⁶¹. Это деморализующе воздействовало на общество, окончательно подрывало доверие к государству, целям войны, сеяло настроения озлобленности и уныния. В этих условиях несомненные успехи властей в мобилизации экономики, вооружении армии к 1917 г. не были восприняты и оценены массовым сознанием, и даже Брусиловская победа была как-то подза-

⁶⁰ Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 429.

⁶¹ См., например: Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 27–66, 174, 175, 225; Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 562–583; Колоницкий Б. И. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (Слухи и массовая культура) // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 67–75.

быта. Напротив, по словам В. А. Оболенского, «ощущение, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшими, а в худшем — предателями, было всеобщим»⁶².

В итоге, несмотря на объективно меньшее бремя Первой мировой войны, Российская империя оказалась более «хрупкой», чем Германская, где в широких масштабах деморализация поразила общество лишь в 1918 г., причем отчасти под влиянием российских революций. Главным образом проблемы для Германии были обусловлены объективным перенапряжением сил страны в результате длительной и ожесточенной войны против явно превосходящих сил неприятеля. Четверной союз, основой и ведущим участником которого Германия выступала, уже с самого начала в целом уступал Антанте по военно-экономическому потенциалу, в дальнейшем этот дисбаланс еще более увеличился⁶³. На последнем этапе войны сказалась и незавершенность социально-политической модернизации Германской империи. Россия же оказалась в наиболее уязвимом положении, прежде всего из-за слабости и небывалой дискредитации власти, и лишь затем — в силу незавершенности индустриальной и политической модернизации — остроты социальных противоречий и мощных революционных традиций.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия и Германия, мобилизация, армия, военная экономика, население, причины Февральской революции, сравнительный анализ.

THE WORLD WAR I INFLUENCE ON RUSSIA AND GERMANY

S. LEONOV

The article is dedicated to the comparative analyses of the World War I influence on the tsarists Russia and on Germany. It provides with more accurate and updated statistics regarding military activities of the countries, numbers and proportions of the mobilized, casualties, etc. It presents a review of the effects of the war on the Russian and German societies, as well as comparative data on the degree of militarization of economy, on the dynamics of economic development, conditions of the populations and some peculiarities of the government politics. It concludes with several new provisions about the degree and the character of the war effects on the tsarist Russia and Germany and on the causes of the 1917 and 1918 revolutions in these countries.

Keywords: World War I, Russia and Germany, mobilization, army, military economic, population, causes of The February Revolution, comparative research.

⁶² Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Париж, 1988. С. 124.

⁶³ За исключением лучшей подготовленности армии к началу войны, преимущества в тяжелой артиллерии и отдельным другим показателям. В начале 1916 г. Антанта имела 365, а страны центрального блока — 286 дивизий; по общей же численности армия Антанты превосходила противника практически вдвое — 18 против 9 млн чел. (см.: Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 8—11; Воронцов Г. Ф. Военные коалиции и коалиционные войны. М., 1976. С. 48; История Первой мировой войны. Т. 2. С. 143).